

© И. Ю. Винокурова

ВЕПССКАЯ НАРОДНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЖИВОТНОГО МИРА (ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ)

Одна из малоисследованных проблем этнозоологии, изучающей своеобразие взаимоотношений отдельных этносов с миром фауны, – народные зоологические классификации, которые дают представление о мифологии, традиционных верованиях и зарождении научных знаний. Уже в древности по воззрениям каждого народа мир фауны членился на определенные классы животных, и критерии этого членения отличались от научных¹. Настоящая статья представляет собой первую попытку реконструкции традиционной зоологической классификации у вепсов, включающей определение классов и подгрупп животных, а также основных критериев их выделения на основе анализа комплекса лингвистических данных и различных фольклорно-этнографических текстов.

Вепсская классификация животного мира, если и существовала как система, то к настоящему времени сохранилась в виде фрагментов. По ним не всегда можно определить класс животных и к какому из них принадлежат те или иные виды фауны. Не помогает и основополагающий источник – этнозоологическая терминология, из которой, как свидетельствуют сравнительные данные прибалтийско-финских языков и вепсская топонимия, исчезло большое количество собственных имен животных – порой ведущих в мифологиях других финно-угорских народов. Например, вепские *kokoi* – орел и *majag* – бобр выявлены по народным топонимам (Муллонен 1994: 87, 113). Часть зоонимов была заменена русскими терминами. В качестве примера можно указать на понятие *živat* (животное) – основную таксономическую единицу мира фауны, заимствованную из русского языка: в общем значении она употреблялась редко, а чаще использовалась для обозначения различных домашних животных или только скота. В 1990-е годы в период работы над созданием вепсского литературного языка, школьных учебников и книг для чтения лингвисты почувствовали острую необходимость в возвращении утраченных названий животных. Одни названия они восстанавливали по данным сравнительного прибалтийско-финского языкознания, вепсской топонимики и диалектологии (*kü* – змея, гадюка, *gaved'* – насекомое и др.), другие – изобретали сами (*imetaiživatad* – млекопитающие животные от вепс. *imetada* – кормить грудью; *neglik* – еж от вепс. *negl* – игла) (Зайцева, Муллонен 1995; Brodski 2000: 80).

Как следует из сохранившихся в вепсской бытовой речи собирательных зоо-названий, в их традиционном мировоззрении различались следующие "классы" животных: *lindud* (ед.ч. *lind*) – птицы; *zverid*, *žvirid* (ед.ч. *zveř*, *žvīr*) – звери, дикие животные; *kalad* (ед.ч. *kala*) – рыбы; *küid*, *madod*, *ujelid* (ед.ч. *ku*, *mado*, *ujeli*) – змеи, червяки, гусеницы, т.е. "змееподобные"; *gaved'id* (ед.ч. *gaver'*) – насекомые; *živatad* (ед.ч. *živat* – животное), *kodiživatad* (букв. "домашние животные"), *ičemoi živatad* (букв. "свои животные") – домашние животные, скот.

Древнейшие из названий классов, т.е. восходящие к периоду уральской языковой общности, – *lindud*, *kalad* и *küid* (Хакулинен 1955: 9, 30).

Анализ собранных материалов привел исследователей к выводу, что классы *lindud*, *zverid*, *kalad* выделяются достаточно отчетливо, образуя замкнутую группу. В основе их выделения лежали два критерия:

1. Набор морфологических признаков, отличавших данную группу животных от всех остальных. Эти признаки были выявлены народом в процессе многовекового общения с природой и хозяйственной деятельности. Но при этом следует заметить, что любое явление, отмеченное в традиционном мировоззрении, обладало как реальным,

так и символическим смыслом (Байбурин 1983: 8). "Двойную природу" имели как классы животных в целом, так и их зоологические признаки. Например, характерные для птиц пух и перья являлись "главными принадлежностями колдовства" у вепсов, чешуя рыб – талисманом, звериная шкура – оберегом и т.д. (Винокурова 1998: 58).

2. Сфера обитания животного. Вторым критерий определялся понятиями "обычный" или "постоянный", поскольку некоторые животные на какое-то время могли изменить свое место обитания: например, кукушка сесть на крышу дома или белка прибежать в деревню и т.д. Подобные ситуации обычно считались "чрезвычайными" и наполнялись мифологическим содержанием. Так, в рассказе В.Я. Александрова необычный приход белок в с. Пяозеро (Бабаевский р-н Вологодской обл.) связан с войной: "Были белки в 40-м году, в 41-м, пришли в Пяозеро. Столько белок пришло, так по домам скакали, да по баням. Тогда я слышал в Пяозере, что это к плохому белки приходят. И, действительно, война началась" (Фон. ИЯЛИ: № 3417/36). Каждый локус в народных представлениях также обладал не только реальными, но и символическими свойствами. Например, для неба, в котором летали птицы, важнейшими являлись "чистота", "легкость", "божественная сущность"; для воды – месте обитания рыб – "плодородие", "смерть" и т.д. Эти свойства нередко переносились и на соответствующие зоологические классы или на их характерных представителей². Сближение отдельных животных и отдельных звеньев Вселенной – часть титанической работы народа по познанию и осмыслению мира (Иорданский 1991: 24).

С определением других классов дело обстоит сложнее. Они как бы переходят из одного в другой, объединяясь по разным признакам: на основе морфологии – *küid, madod, ujelid* – змееподобные, *gaved'id* (насекомые) – очень мелкие; на основе сферы обитания и человеческого ухода, в частности, выражаемого множеством различных обрядов: *živatad, kodiživatad* (букв. "домашние животные"), *ičemoi živatad* (букв. "свои животные") – домашние животные.

Источниками формирования зоологических воззрений вепского народа на классы животных были не только накопленные эмпирическим путем наблюдения за природными явлениями в их рационально-иррациональном синкретическом единстве, но и распространенные под влиянием православия библейские образы сотворения мира – "животные твари" по родам их, подчиненные человеку. В гл. 1 Библии сказано, что на пятый день творения Бог создал "рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее" (Быт.1: 21). На шестой, последний, день творения были созданы животные, живущие на земле и человек: "И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их" (Там же: 25). Выделенные в Библии классы фауны: животные воды (пресмыкающиеся, рыбы), животные неба (птицы), животные земли (скот, гады, звери) явились основанием любой мировоззренческой классификации животного мира, в том числе и вепской.

В России Книга Бытия издавна была включена в богослужебные чтения Великого поста. О распространении библейских знаний в вепских деревнях в середине XIX в. в какой-то мере свидетельствуют материалы первых научных поездок к вепсам Э. Леннрота и А. Алквиста. Среди образцов вепского фольклора, опубликованных этими исследователями, встречаются и отрывки Евангелия от Матфея на вепском языке, в частности о птицах небесных³. Однако самым известным религиозным произведением среди крестьян России была Псалтирь. Она прочитывалась на богослужениях полностью в течение недели, а в Великий пост – дважды в неделю. Классы животных, сотворенные Богом, упоминаются в некоторых псалмах, например, "великие рыбы", "звери и всякий скот, пресмыкающиеся и птицы крылатые" (Пс. 148: 7–10; см. также 8: 8–9; 73: 19). Православное мировоззрение формировали и школы, открытые в ряде вепских поселений еще в 1860-е годы (СНМ 1907: 36–116). Вначале образование получали немногие дети, преимущественно мальчики. Например, в 1863 г. в пондальской

школе на занятиях присутствовало всего 11 мальчиков (Богословский 1865: 223). В школе обучали "Закону Божьему", а также чтению и письму по различным православным сочинениям, например, "Псалтири", "Часослову". Любопытное упоминание о преподавании этих предметов в Белозерском у. можно встретить у Н.Н. Фирсова: "Учение некоторых детей, и в особенности девочек, прекращается, коль скоро они могут читать довольно бегло Псалтирь и Часослов: чтение первого по покойникам приносит небольшие выгоды, а чтение второго ребенком в церкви тешит гордость отца, обучившего сына на медные гроши грамоте" (Фирсов 1865: 394). Посредниками в распространении среди вепсов внехристианских и переработанных в духе народного понимания православия христианских идей о животном мире были также русские крестьяне.

Перейдем к описанию основных классов животных.

Птицы (*lindud*). Основные их внешние признаки, отличающие от других групп: покрытое пухом и перьями небольшое тело, клюв, крылья. Наличие этих признаков выразилось в вепсской лексике: *nok* – клюв, *suug* – перо, крыло, *hüneh* – пух. С помощью крыльев птицы, в отличие от большинства других животных классов, могли особым образом передвигаться в воздушном пространстве – *leta* (летать). В различных вепсских текстах (поговорки, сравнения, фразеологизмы) из всего "птичьего" комплекса признаков крылья упоминаются чаще всего: "Lind suugita ii lenda" – "Птица без крыльев не летает", "En ole lind, embii leta" – "Я не птица, не могу летать", "Lendeizän, da suugid iila" – "Полетел бы, да крыльев нет", "Sina lendletoi kut lind" – "Ты порхаешь как птица" (SKS: № 1429, 2194, 2597, 3026, 3269), *suugitoi lind* (букв. "птица без крыльев") – человек, резко выделяющийся среди других людей, непохожий на окружающих⁴; "suugad kazvatut" – "крылья выращены" – говорится о высокомерном человеке⁵.

Наличие крыльев дает возможность классу пернатых преодолевать самые большие расстояния за короткое время, что недоступно никаким другим животным. Эта способность часто используется как мотив вепсских похоронных причитаний для символизации дальности иного мира, куда можно попасть только обладая птичьими крыльями: "...были бы у меня гусиные крылышки ... пришла бы я темной ночью, застала бы я тебя живым" (SKS: № 627, дается в русском переводе⁶).

По наличию крыльев вепсы относили к ночным птицам и летучую мышь. На такую особенность вепсской этнозоологической классификации указывает терминология. Одно из названий этого животного в прибалтийско-финских языках: фин. *lepakko*, *yölepakko*; карел. *üölädräkkö*; вепс. *öläpak* представляют собой описательное слово полета животного (SKES 1958: 287). Сходство летучей мыши с ночными птицами отражено и в ряде вепсских диалектных названий: *ökukoi* – букв. "ночной петух" (Намжозеро, Пяжозеро), *öhabuk* – букв. "ночной ястреб" (Войлахта) (АКНЦ 1: 254; Фон. ИЯЛИ: № 3659/14, 3672/13). В народных рассказах летучая мышь также довольно часто определяется как птица: "Ловили этих птичек вечером, ночью"; "Для лошадей хорошие были эти птички" (Фон. ИЯЛИ: № 3670/36); «Такой у меня был случай. Вечером темно было, пошла в лес и там вот какая-то птичка пришла, крылышки-то у нее так вот звенят вокруг, и до того испугалась этой птицы, и в тот, наверное, день очень заболела. Так, такая птица появилась, наверное, из-за этого заболела. Вася сказал: "Это летучая мышь была"» (Фон. ИЯЛИ: № 3420/7).

Взгляд на летучую мышь как на птицу существовал и у карел; он оставил след в названии, зафиксированном в северной части Карелии и в районе Сегозерья: *üölindu* – букв. "ночная птица" (АКНЦ 1: 254). Это представление соответствует библейскому – о неопыре как нечистой птице (Лев. 11: 24).

Вместе с тем характеристика класса птиц была бы неполной без такого важного "орнито-признака", как особое издание звуков – "пение" – *pajatand*, *pajatuz*: "Птички прекратили пение"; "Маша не слушала пения птиц" (СВЯ 1972: 294, 393). Многие виды

птиц у вепсов описываются в терминах, отмечающих именно этот признак, например: журавль, ласточка, вброн, сова/филин, петух⁷. Свойственное птицам "умение петь" и его разнообразие отражено в ряде вепсских пословиц: "Kaikučel lindul ičeze äñ" – "У каждой птицы свой голос"; "Pahad lindud i pahad paijod" – "Плохие птицы и плохие песни"(SKS: № 2091).

Птицы связаны с небом – верхом. Вепские космогонические представления о небесной символике птиц наиболее ярко отразились в народной архитектуре: орнитоморфные образы, как правило, располагаются в верхней части жилища – это прежде всего скульптура птицы на конце конька крыши, как бы венчающая все здание, а также изображения стилизованной птицы с маленькой головкой и мощной грудью на концах "куриц" – особых крюках, поддерживающих крышу (Косменко 1984: 170–171).

Звери (zverid, zvirid). Под этим названием, заимствованным рядом прибалтийско-финских народов от русских (ср.: восточнофин. *vieri*; ливв. *zvieri*, *svieri*, *zviäri*; люд. *zvieri*, *zvier'*), имелись в виду "дикие млекопитающие" – обитатели леса (SKES 1978: 1727). Основные внешние признаки диких зверей, как и птиц, выражены в лексике. В отличие от других животных природного мира, передняя часть головы зверей (морда) выделена особым названием – *kärz*. Тело – на четырех лапах (*käpš* – лапа) и покрыто шерстью (*karv*). По сравнению с птицами, у класса зверей гораздо меньше общих признаков. Главный признак, объединяющий практически всех зверей в один класс, – территория их постоянного обитания – лес. Хозяином этой территории и ее "жителей" считался дух леса, известный у вепсов под названиями *mec* ("лес"), *mechiine* (*meccice*), *korbhiine* (букв. "лесовой"), *mecamež* ("лесной человек"), *mecižand*, *mecauk* ("лесной хозяин"), *kukerič*. Функции этого мифологического персонажа разделял и народный святой – Егорий.

С классом зверей связаны некоторые пережитки промыслового культа: по верованиям, дух леса мог принять образ любого лесного животного, но чаще всего медведя. Для того чтобы промысел был удачным, начало охоты на зверей обязательно сопровождалось жертвоприношениями духу леса различными продуктами, принесенными из мира "культуры": хлебом, разнообразной выпечкой, куриными яйцами, деньгами и т.д. По окончании удачного промысла лесовому жертвовали часть добычи. Так, в правилах шимозерских охотников говорилось: "При ловле зверей, когда будешь снимать из ловушек, то одну из попавшихся оставлять. В капкан попало 4 зайца – троих взять, а одного оставить" (АРГО 1: 130).

Помимо верований и обрядов известны и другие жанры вепсской культуры, где представлен класс зверей. Например, у вепсов Прионежья часто можно встретить такое сравнение, связанное с хищными зверями: "Глаза, когти, как зверь"(SKS: № 2960). Во многих вепсских сказках медведь, волк и лиса составляют одно сообщество, а у северных вепсов есть сюжет о том, как эти звери организуют свой общий праздник: "Устроили в один день медведь, волк, да лиса в красной избе большой праздник родни" (SKS: Kuogi 2/6). В сюжетах вепсской вышивки также можно найти зверей, объединенных одной "средней зоной мироздания": хищников (медведя и барса или льва) и копытных (лося). По наблюдениям А.П. Косменко, данные образы всегда включены в центральный широкий фриз вышивки, выполняя сюжетообразующую функцию вместе с деревом или женской фигурой по горизонтальной линии основного бордюра. Они никогда не встречаются по вертикальной оси в нижних и верхних бордюрах композиций (Косменко 1984: 110). Способ изображения этих представителей фауны также несет информацию об одном из звеньев древней зоологической классификации: разделении зверей на хищников и травоядных. Первые изображены в действии, вторые – в статике. Образы барса или льва свидетельствуют о присутствии в вепсской классификации не только реальных видов зверей, но и воображаемых – из других информационных источников.

Рыбы (*kalad*) – класс с особым набором морфологических признаков, важнейшие из которых нашли отражение в вепсской лексике: *somuz* – чешуя; *šahlad*, *šahlod*, *šahlud* – жаб-

ры; *müuk, möuk, mölk, mädahm* – рыба икра, *maid, meid* – молока (СВЯ 1972: 318, 530), и с единственным локусом обитания (даже по мифологическим представлениям) – водой. О неразрывной связи рыбы и воды говорят, например, вепские пословицы: "Kala vedeta ii eläi" – "Рыба без воды не живет" (SKS: № 2939); фразеологизмы: "Kadoi, kut'i kala vedehe" – "Как в воду канул" (досл. "Пропал, как рыба в воде") (СВЯ 1972: 172); загадки: "Mitte eläi ii voi mal eläda?" ("Kala") – "Какой житель не может жить на земле?" – ("Рыба") (Lonin 2000: 102).

Принадлежность рыб водной стихии обнаруживается также в верованиях и обрядах. Например, по законам рыболовной магии вепсов Прионежья, "когда ловят рыбу, то не кладут ее в сухую корзину, нужно замочить в воде корзину, чтобы рыбы больше ловилось" (АКНЦ 2: 156). У шимозерских вепсов рыбак, наловивший много рыбы, обязательно должен был поблагодарить воду: зачерпнуть ее пригоршней и поцеловать (Петухов 1995: 439). Иногда вода представлялась в виде конкретного водоема – "хозяина рыбы". У жителей с. Немжа Подпорожского р-на Ленинградской обл., например, сохранились архаичные представления о персонафицированном образе оз. Куж-ярви. Рыбак перед началом рыбной ловли подходил к берегу, "здоровался" с ним и просил дать рыбы: "Здорово, Куж-ярви! Дай рыбы!". Приветствие сопровождалось протягиванием руки к воде и имитацией рукопожатия (Винокурова 1994: 26).

С развитием анимистических верований олицетворение различных водных объектов постепенно сменялось образами их хозяев, в распоряжении которых находилась и вся ихтиофауна, сосредоточенная на данной "территории". У вепсов дух-хозяин воды известен под разными названиями: *vedehiine* (водяной), *veden ižand* (хозяин воды) и *veden etag* (хозяйка воды), *jarvenižand* (хозяин озера), *turžas; vezituržas* и др. По единичным сообщениям, он имел образ какой-то большой рыбы или конкретно щуки. Для того чтобы вызвать благосклонность у водяного духа и получить улов, вепские рыбаки в начале промысла опускали в воду жертву – яйцо, пирог, табак или лили вино. По окончании промысла жертвовали духу часть выловленной рыбы.

Змееподобные (*küd, madod, ujelid*). Словами *mado* и *ujeli* в вепском языке обозначаются существа, которые в естественнонаучной классификации относятся к разным классам: змеи, червяки, гусеницы. Такой видовой состав свидетельствует о том, что критерием выделения класса явился наиболее заметный внешний признак всех его представителей – длинное тело. Название *mado*, встречающееся также в других прибалтийско-финских языках, возможно, первоначально служило только для обозначения червяков и гусениц. По одной из этимологий, оно имеет германское происхождение: готск. *тара*, англосакс. *тара*, др.-верхненем. *mado* обозначают личинку, гусеницу, червяка. Если же следовать другой версии происхождения термина *mado* (*mato*) – от финского глагола *mataa* (ползать), то он отражает общий способ передвижения змей, червей и гусениц, как их отличительную особенность (SKES 1958: 337). То же самое можно сказать и о вепском слове *ujeli*, образованном от глагола *ujuda* (ползать, плыть) (СВЯ 1972: 599). Самый яркий представитель этого класса – змея. Помимо *mado* и *ujeli* в вепском языке существует еще несколько названий, обозначающих змею, а также ее различные виды: *gad* (гад), *magad* (букв. "земляной гад") – змея, *kü* (змея, гадюка), *vaskiç* (букв. "медяник"), *vaskmado* (букв. "медная змея") – медянка. Змея – существо, пресмыкающееся по земле и живущее в ней. Хтоническую природу змеи наиболее ярко отразил термин *magad*, образованный от слияния двух лексем *ma* (земля) + *gad* (гад). Кстати сказать, такая же связь в названиях была обнаружена и у других народов мира (ср.: описательные обозначения змеи у эфиопов – *arwē medr* – "зверь земли" и египтян Сата – "сын земли" или "жизнь земли" и т.п.) (Иванов 1997: 470). К пресмыкающимся относится и ящерица (вепс. *šizlik*). Об этом говорится и в Библии (Лев. 11: 25).

Семантика лексем *mado* и *gad* присоединяет к "змееподобным" ряд существ, которые обитают в водной сфере: *vezimado* (букв. "водяная змея"), *vezigad* (букв. "водяной гад"), *poromado* (букв. "шадриковая змея") – пиявка, *g'iiuhmado* (букв. "волосая змея") –

волосатик. Такое объединение земных и водных "змееподобных" в один класс соответствует мифологическому и христианскому уровням. По мнению ученых, в мифологиях многих народов нижний мир мог быть представлен не только подземной, но и водной сферами. В Библии пресмыкающиеся делятся на водных и земных (гадов).

В вепской зоологической классификации можно обнаружить и другие небольшие группы животных, разделяющие, как и "змееподобные", характеристики двух экологических категорий – земли и воды, но у которых, в отличие от рассмотренных выше объединений, единые собирательные термины отсутствуют. Условно назовем их "мышеподобные" и "земноводные". Лексический анализ вкупе с другими источниками позволяет определить основных представителей этих групп.

К группе "мышеподобных" относится крот. Судя по названию этого животного у северных и средних вепсов – *makondi* (букв. "земляной медведь"), крот имеет внешнее подобие с представителем зверей – медведем, но обитает в земле. Сходство этих двух представителей фауны подтверждается не только лексическими фактами. Так, А.Ф. Манинова рассказывала о местном пастухе, который использовал в качестве оберега скота крота, символизирующего медведя: «Крот – "земляной медвежонок" бегал у нас здесь как-то. Пастух, так говорил, что это мой медвежонок» (Фон. ИЯЛИ: № 3668/71). В пастушеской обрядности некоторых прибалтийско-финских народов крот также известен как символ медведя. Финны и карелы, выгоня первый раз корову на пастбище, привязывали к ремешку ее колокольчика мертвого крота (вариант: его мясо, шкурку или когти), при этом трижды повторяя заклинание: "Этот медведь – самый старый и самый сильный среди медведей!" (*Rantasalo* 1947: 51). Таким образом подобным (кротом = "медведем"), отталкивающим подобное (медведя), пытались защитить скот.

В то же время другие данные характеризуют крота как обитателя земли. В д. Прокушево Бокситогорского р-на Ленинградской обл. от Е.С. Медведева была записана легенда, объясняющая подземный образ жизни крота: "Когда начиналась жизнь, люди все делали: дороги топтали, тропинки, чтоб ходить по ним; копали водоемы, реки, колодца, озера. Но крот не пошел топтать дороги, благоустраивать жизнь. Так, теперь перейдет дорогу и сразу подыхает. Я сам видывал дохлых кротов на обочине дороги" (ПМА: Медведев).

Еще одно название крота – *makrot* (букв. "земляная крыса"), известное в северном и южном диалектах вепского языка, связывает его с таким животным подземного мира, как крыса (вепс. *krot*). В свою очередь, образ крысы биологически и семантически сближается с мышью (*hiir*) (АКНЦ 1: 252–255; СВЯ 1972: 128, 319). Исследование понятия *hiir* выявляет еще ряд животных, принадлежащих к группе "мышеподобных": *nügahiir* (рус. "остроносая мышь") – землеройка и *vezihiir* (букв. "водяная мышь") – водяная крыса, местом обитания последней является вода. В Библии крот и мышь определяются как пресмыкающиеся по земле (Лев. 11: 25).

Сразу с двумя сферами обитания – землей и водой – связаны лягушка и жаба, случайно называемые в научной классификации "земноводными". По своим внешним признакам лягушка и жаба резко отличаются от других групп животных. Их сходство между собой отражено в названиях, в диалектах вепского языка, приводимых ниже:

Диалекты	Лягушка	Жаба
Северновепский	<i>lorpei</i>	<i>rubi+lorpei</i> (букв. "покрытая болячками лягушка")
Средневепский	<i>lõc, lõc, lorpoi, kokši</i>	<i>rubi+lõc, rubi+lõc</i> (букв. "покрытая болячками лягушка"); <i>ralo+lorpoi</i> (букв. "огнищевая лягушка"); <i>ta+lorpoi</i> (букв. "земляная лягушка"); <i>kokši</i>
Южновепский	<i>samba</i>	<i>rubi+samba</i> (букв. "покрытая болячками лягушка")

По воззрениям вепсов, как и многих других народов, лягушке, как и воде, с которой она связана, приписываются плодородные свойства. Эта общность семантики особенно ясно проступает, например, в широко распространенной вепсской примете: "Если лягушку весной первый раз увидишь в воде, так будешь жить хорошо, продукты будут, а на горе, да на сухой земле, – сухой год будет" (Фон. ИЯЛИ, № 3413/20). Если лягушка в вепсских представлениях соотносится с водой, то жаба – с землей. На это указывают приведенные выше термины *талороi* (*та* – земля, *лороi* – лягушка) и *ралолороi* (*рало* – пожара, сожженная подсека), обозначающие жабу. Видимо, такие представления были достаточно архаичными, поскольку они обнаруживаются и в языке карел: слово, аналогичное *талороi*, известно также северным и валдайским карелам (ср.: *moalöttö*) (АКНЦ 1: 340). Эти народные наблюдения поражают своей точностью. По данным зоологов, жаба, в отличие от лягушки, действительно лучше приспособлена к наземному существованию. По сравнению с лягушками, жаба выбирает более сухие места обитания, любит зарываться в землю, сходит в водоемы на короткое время, только для икрометания, и даже плавает плохо (Ивантер 1975: 40–41).

Судя по сохранившейся зоологической классификации у вепсов, "змееподобные", "мышеподобные" и "земноводные" существа водно-подземного мира не выделялись терминологически в один класс. В отличие от вепсов, в различных языках, диалектах и фольклоре славянских народов эти животные часто фигурируют под общим названием *гады* (Гура 1997: 274–275). Слово *гад* восходит к индоевропейскому *giṛ*, первоначальное значение которого "нечто отвратительное, мерзкое" (ЭСРЯ 1972: 5). Под таким определением в первую очередь имелись в виду внешний вид этих животных, вызывающий страх или отвращение, а также их вредоносные свойства. Кроме того, по мнению ученых, для мифологических традиций народов мира были характерны универсальные представления об единой природе змей, лягушек и мышей и их принадлежности к водно-подземному (нижнему) миру (Топоров 1997: 400). В вепсской культуре такие представления явно обнаруживаются только в сказках на довольно популярный у вепсов международный сюжет "мачеха и падчерица" (АА 480 А). В вепсском сюжете девочка, вслед за упавшим предметом (веретеном, кольцом), прыгает в прорубь или колодец и попадает в подземный мир. Там у лесной хозяйки или Бабы-Яги она топит баню и моет ее детей – лягушек, ящериц, змей, мышей. Например, в одной вепсской сказке буквально говорится следующее: «Старуха велела позвать в баню ее сыновей: "Шижлики, мыши! В баню!". Сразу набралась полная баня мышей, лягушек, ящериц, змей» (*Setälä, Kala* 1951: 252). В другой сказке Баба-Яга говорит девочке: "Возьми моих детей с печи и вымой их". Девочка поднялась на печь и увидела в корзине ее детей: мышей, лягушек, змеек и ящериц" (*Kettunen et al.* 1935: 23).

В зооклассификации вепсов выделяется еще один класс животных – **насекомые** (*gaved'id*), который отличается от всех предыдущих таким характерным внешним признаком, как ничтожные размеры. Особенность этого класса – многообразие сфер обитания. Так, к небесным существам относится, например, *jumalanlehmaïne* – букв. "божья коровка" (не случайно определение "божий"). На земле (в лесу, траве, поле) проживают муравьи, кузнечики и др., в воде – *vezitai* (водяной жук), *vez'ilude* (водяной клоп), *vedenmäričii* (водомер), в доме – клопы и тараканы и т.д. Тем не менее, этот класс обнаруживает достаточно расплывчатую границу со "змееподобными". Многие насекомые, например, моль, светлячок, бабочка, муравей, за свой жизненный цикл могут пребывать в ипостаси как пресмыкающегося, так и летающего насекомого. Для иллюстрации наших суждений обратимся к отрывку уникального южновепсского заговора, записанного Л. Кеттуненом: "Puitõlem mǎ madoŋ kokā'd'andas, mustas mados, hahkas mados, kiriavas mados, käbedas mados, pakūžes mados, raudmados, päs i händäs, šizlikāžes, olgmados, vežimados, sobamados, heinmados" – "Заговариваю я змеиный укус от черной змеи, от серой змеи, от пестрой змеи, от красной змеи, от желтой змеи, от железной змеи, с головы и хвоста, от ящерицы, от вредителя злаков (букв. "соломен-

ный червь"), от пиявки (букв. "водяной червь"), от моли (букв. "одежный червь"), от светлячка (букв. "сенной червь")" (Kettunen 1925: 145). В этом тексте представлены как наиболее характерные персонажи класса *mado* – змея, ящерица, червь, пиявка, так и существа, переходные от змееподобных к насекомым, – моль и светлячок. В данном примере моль-червь – вредоносный персонаж, от которого заговаривают. С молью – летающим насекомым – у вепсов связаны совсем иные представления. Это душа умершего родителя, которую нельзя убивать.

О нечеткости очертания границ класса говорят и другие факты. Само название *gaved'* в значении "насекомое" было записано лингвистами в середине XX в. только у оятских и шимозерских вепсов и, без сомнения, заимствовано от соседнего русского населения Олонецкой губ., называвшего *gáved'ю* различных гадов – лягушек, ящериц и т.п., а также неприятных кровососущих насекомых – оводов, комаров, мошкору (СРНГ 1970: 83). Таким образом, русские объединяли некоторых насекомых, пресмыкающихся и земноводных в один класс "гадов". Такое объединение соответствует христианским представлениям о творении мира. В Библии о создании Богом класса насекомых ничего не сказано. Скорее всего они относились к пресмыкающимся. Это предположение можно сделать на основании Книги Левит, в которой животными, пресмыкающимися по земле, называются все "ползающие на чреве", "ходящие на четырех ногах" и "многоножные" (Лев. 11: 25). Столь общее определение может относиться и к некоторым насекомым. Что же касается вепского *gaved'*, то оно первоначально обозначало только вредных насекомых, а затем перенеслось и на всех остальных, в том числе и безвредных. В 1990-е годы этот термин был введен в вепский литературный язык для обозначения любого насекомого.

Характерная черта насекомых – символическое уподобление представителям других классов. Эти представления можно обнаружить в вепских поверьях, ритуалах и названиях, например: медведь – вошь, скот – муравьи, птица – бабочка и т.д.. Рассмотрим подробнее первую пару. По северновепскому поверью, если найденную в голове вошь потеряешь или уронишь, то "на том свете медведь попадется навстречу" (АКНЦ 2: 133). Вепсы Шимозерья использовали вошь в свадебной порче: собирали несколько вшей в соломину и бросали ее (с заклинанием) поперек дороги свадебного поезда; считалось, что "лошади непременно остановятся перед соломиной, так как им будет казаться, что дерутся медведи" (АРГО 1: 21). Связь "медведь-вошь" прослеживается и по лингвистическим данным. У белозерских вепсов слово *bubarik* имеет два значения: медведь и вошь (СВЯ 1972: 49; АКНЦ 1: 231). Такие же значения имеет слово *бука* в некоторых деревнях Медвежьегорского р-на Карелии и на Псковщине (Черепанова 1983: 116). На связь двух представителей фауны указывает и вепское название черного жука – *kondjantäi* (букв. "медвежья вошь") (СВЯ 1972: 223).

Как полагают исследователи, после так называемой неолитической революции, т.е. с началом преобразовательных контактов человека с природой, произошло значительное событие в жизни человечества – доместикация животных (Топоров 1982: 8). В пространственном плане это событие можно представить как перенесение некоторых представителей класса зверей и птиц из природного мира в мир людей. В мифо-зоологических классификациях народов мира постепенно выделился как бы новый "класс" животных – домашние, получивший общий собирательный термин. Лексический материал показывает, что основной состав класса домашних животных у вепсов, включающий собак, лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, свиней, кур и петухов, сложился еще в период существования единой прибалтийско-финской общности (II тысячелетие до н.э. – первые века н.э.). В средние века этот класс пополнился кошками, а в начале XX в. – козами. Все эти виды животных у вепсов в настоящее время объединены термином русского происхождения *živatad*, от которого образовались и производные: *kodiživatad* (букв. "домашние животные"), *ičemoi živatad* (букв. "свои животные"). Большинство представителей класса "*živatad*" наделены примерно тем же

комплексом внешних морфологических признаков, что и класс зверей; только петух и курица "примыкают" к классу диких птиц.

Вследствие своего происхождения домашние животные, по представлениям вепсов, обладали двойной сущностью. С одной стороны, они вели свое родство от диких зверей и по некоторым признакам объединялись с ними. Так, считалось, что домашнее животное, подобно дикому, может предсказать будущее, потому что сохраняет связь с "иным" миром и знает его тайны. Отсюда становится понятным использование домашних животных в гаданиях (Винокурова 1994: 50). С другой стороны, домашние животные, живя бок о бок с человеком на протяжении многих веков, как бы "очеловечились", т. е. стали своими: *ičemoi živatad* – "свои животные".

Связь домашних животных то со зверями, то с человеком нашла отражение во многих сферах вепсской культуры. В вепсском сказочном репертуаре есть сюжеты, которые начинаются с того, что человек выгоняет животное из дома за какой-нибудь проступок, и оно возвращается в мир диких зверей, вступая с ними во взаимоотношения, которые оказываются вполне гармоничными. В одной сказке кот и лиса вступают в брак, в другой – заяц и кот мирно живут вместе; петух помогает зайцу выгнать из дома козу и т.п. (Kettunen et al. 1935: 186–187). В то же время, по наблюдениям Е.М. Костюхина, в животном эпосе народов мира имеются сюжеты, где домашние животные – "полномочные заместители" человека, хитрее и умнее диких зверей, хотя и уступают им по силе (Костюхин 1987: 92). Такие сказки есть и у вепсов: сюжет с зимовьем в лесу домашних животных, прогоняющих медведя; про кота – начальника леса и др.

Противопоставление диких животных домашним и вместе с тем их уподобление существуют и в вепсской лексике: *mecan lehmaine* (букв. "лесная коровушка") – лось, *teckana* (букв. "лесная курица") – белая куропатка (ср.: аналогичное явление у русских: *дикая корова* – лось, *дикая курица* – куропатка) (Гура 1997: 41).

Классы диких зверей и домашних животных занимали определенное положение в системе пространственных координат. Закрытое место домашних животных – хлев – входит в культурное пространство людей (поселение, деревня, дом). Переход из него в открытое чужое пространство (лес, поле, водоем), происходивший для крупного и мелкого рогатого скота и лошадей каждый год, был полон опасностей и "обставлялся" различными охранительными обрядами, в первую очередь ритуалом первого выгона скота в поле (Винокурова 1988). Появление диких животных в мире людей также считалось событием необычным: оно могло принести несчастья (болезни и смерть человека, гибель домашнего скота).

Соотношение двух миров и диких животных с домашними нашли отражение и в системе временных представлений вепсов, а именно в выделении двух временных периодов в вепсском календаре: *raimenen aig* (пастбищный период) и *veraz aig* (чужое время). Их крайние даты: Егорьев/Николин дни (24 апреля/6 мая – 9/22 мая)⁸ и Покров (1/14 октября). *Raimenen aig* – это период, в течение которого дикие и домашние животные могли существовать на одной территории благодаря договору пастуха с духом леса. *Veraz aig* – "время" разгула диких зверей (и лешего), когда скоту нельзя было появляться в лесу. По свидетельству М.П. Сидоркова, 1923 г. рожд., из с. Шокша, "до Покрова только скот пасли, после Покрова, говорили, чужое время – леший командует" (Винокурова 1994: 29). Представление о времени *veraz aig*, четко разделяющем животных на диких и домашних, можно дополнить сравнительными данными по этнографии прибалтийско-финских и русского народов. По финским поверьям, накануне Михайлова дня (8/21 ноября) лесной хозяин проводит с людьми "деlež": лес берет себе, а людям отдает "людское", и если после дележа в лесу еще остаются домашние животные, они становятся настолько пугливы, что их никак не удастся поймать и привести обратно домой (Rantasalo 1953: 6). Эстонцы говорили, что на Михайлов день св. Георгий со своих собак и волков снимает уздечки, которые он им надел в свой день (23 апреля – 6 мая), и разрешает нападать на любую скотину, оставшуюся в лесу (Rantasalo 1953: 7).

В славянских календарях к октябрю–ноябрю также приурочивались легенды о неистовстве диких зверей и леших (Чичеров 1957: 35–37).

Границы некоторых рассмотренных выше классов животных определяли и существующие у вепсов верования о духах-хозяевах или покровителях, разделяющих животный мир на сферы влияния. Как уже указывалось, властелином и покровителем диких зверей был "хозяин" леса: по христианским представлениям – св. Георгий Победоносец, рыб – водяной дух. Хозяином домашних животных выступал дух хлева. Духи леса и воды иногда принимали облик тех животных, которым они покровительствовали. Сложнее обстояло дело с покровителями птиц и земных "гадов". По одним сведениям, все птицы "подчинялись" Богу, живущему на небе, по другим, лесные птицы – духу леса. Что касается пресмыкающихся, то, руководствуясь сравнительными материалами по мифологии некоторых народов, их покровителем мог быть дух-хозяин земли. Например, у литовцев прослеживаются представления о соотношении божества земли Земеника со змеями (Завьялова 2000: 198). Однако у вепсов связь духа земли (*maizand*) и животных земли выявить не удалось. По представлениям вепсов, покровителем некоторых гадов (змей) оказался все тот же хозяин леса – самый популярный дух в вепсской мифологии. Нет у вепсов никакой информации и о духе, связанном с классом насекомых, подобном, например, кетской хозяйке Хоседэм.

Вместе с тем по имеющимся, хотя и не совсем точным, данным, в вепсской народной классификации животного мира можно отметить следы иерархичности. В ней духи-покровители занимают места более высокие по сравнению с животными. В то же время среди животных выделяются существа более высокого ранга, например, медведь, который часто именуется как "царь всех зверей". Соответственно, медведь-"царь" может быть функционально сопоставим с представителями других классов. Как свидетельствуют некоторые жанры вепсского фольклора, в классе домашних животных ему соответствует бык. Например, в различных вариантах вепсской небылицы образы медведя и быка взаимозаменяемы (ср.: "Libui härg kuzhe, savižiš sapkõš, kivižed kindhad, rohmäh't, räimäh't'" – "Залез бык на елку, в глиняных сапогах, в каменных рукавицах, грохнулся, ударился"; "Libū koñdī kuzhe, savižiš sapkõš, kivižiš kindhīš, rohmäh't, räimäh't'" – "Залез медведь на елку, в глиняных сапогах, в каменных рукавицах, грохнулся, ударился" (Зайцева, Мулонен 1969: 207; Kettunen, Siro 1935: 17, 23). Та же параллель присутствует в северновепсских пословицах: "Väges koñdgäd puhu ed lenda" – "Насилу медведя на дерево не поднимешь"; "Puhu härgad leta eisa" – "На дерево быка поднять нельзя" (SKS: № 2451, 3062 3444). По мнению В.Я. Петрухина, наличие признаков иерархичности характерно для сравнительно развитых мифолого-религиозных традиций (Петрухин 1986: 16).

Не менее важным в вепсской классификации было деление внутри родов. Исходя из народных суждений, животные могли быть хорошими (положительными) – *huva* и плохими (отрицательными) – *hübä* (*hond*, *paha*), а также хорошими для одной ситуации и плохими для другой (выражаясь научным языком, амбивалентными). Под хорошими животными в первую очередь понимались полезные – *tarbheized*, *poleznijad* и "безвредные" (безобидные) – *bezvrednijad*. Плохими животными были те, которые приносили вред (*izjan*) человеку. Среди положительных животных выделялась группа, определяемая словом *jumalan* (*g'umalan*, *d'umalan*), т.е. *божий*, в которую входили "небесные создания" – ласточка, лебедь, бекас, голубь, божья коровка. На представления, связанные с этой группой, явно оказало влияние распространенное среди вепсов православие. Важным критерием разделения животных являлась съедобность, поскольку пища считается первейшей жизненной потребностью человека. Соответственно этому критерию животные у вепсов делились на съедобных (чистых) – *puhtaz* и несъедобных (нечистых, поганных) – *pagan*. Например, жители с. Вонозеро "белку считают несъедобной, а зайца едят" (Зайцева, Мулонен 1972: 388). Приведенный пример может быть связан с реальными вкусовыми качествами мяса этих животных или же с пережитка-

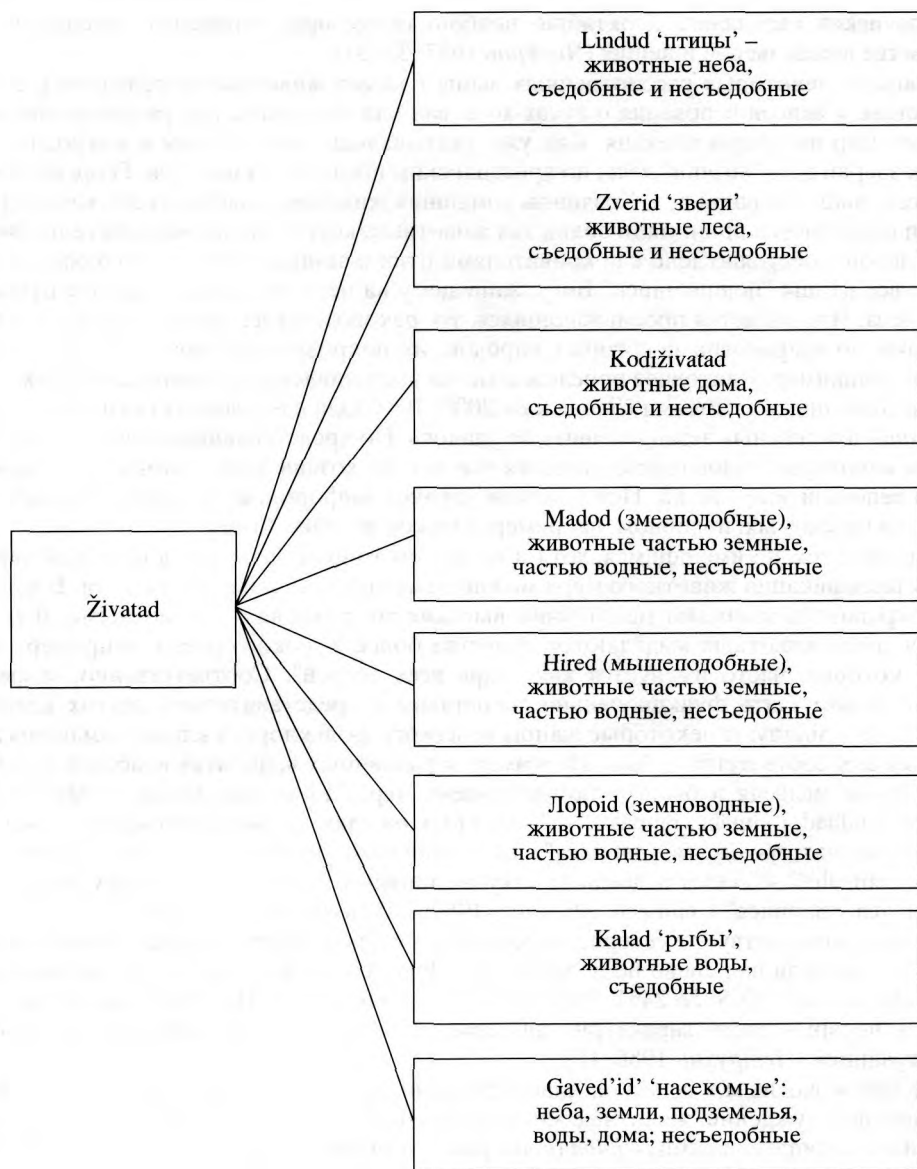

Схема. Вепская этнозоологическая классификация

ми тотемистических воззрений, когда часть животных для определенной группы народа становилась пищевым запретом. Вместе с тем животные и в Библии разделяются на чистых, которых можно употреблять в пищу, и нечистых. Как известно из сказания о Ное, Бог повелел ему ввести в ковчег по семь пар из всякого скота чистого и по две – из скота нечистого.

Подробно о чистых и нечистых животных говорится в Книге Левит (Лев. 11: 24, 25). К чистым животным относится "всякий скот, у которого раздвоены копыта и на копытах глубокий разрез, и который жует жвачку" (быки, коровы, овцы, козы и др.). Нечистыми называются свинья, заяц, все звери четвероногие, "которые ходят на лапах". "Из всех животных, которые в воде" чистыми считались те, "у которых есть пе-

рья и чешуя" (рыбы). В перечень птиц, не годившихся в пищу, входили орлы, коршуны, соколы, вороны, совы, чайки, ястребы, филины, лебеди, пеликаны, цапли, зуи, удоы, нетопыри и др. (Там же 11: 24). К нечистым причислялись также животные, пресмыкающиеся по земле: крот, мышь, ящерица "с ее породой", змеи (Там же 11: 25). Записи, найденные в различных источниках, свидетельствуют о некоторой осведомленности вепских крестьян в отношении такого библейского разделения животных. Так, священник М. Юнсовский о вкусовых пристрастиях вепского населения Озерского погоста сообщает: "Из животных признаются нечистыми лошадь, собака, заяц, медведь и пр. От того именно, что имеют копыта нераздвоенные" (АРГО 2: 2). В более поздней информации из этих мест, записанной языковедами, говорится: "У съедобных (чистых) животных раздвоенные копыта" (Зайцева, Мулонен 1972: 437).

Итак, мы наметили самую общую схему народной зоологической классификации вепсов (см. схему). Ее неясности, как и подробности, предстоит выяснить в процессе дальнейших исследований. Предварительно можно утверждать, что традиционная классификация строилась на мифологических (языческих) и христианских основах, и что в ней нашли отражение народные естественнонаучные знания. В целом, различия между научной и народной классификациями выглядят достаточно существенными: в первую очередь, – в количестве зоономинаций (крупных и мелких), в классификационных единицах, в признаках животных и т.д.

Примечания

¹ По итогам единичных исследований данной области, например, некоторые группы папуасов не считают казуаров птицами; у тайских этносов дикие и домашние утки относятся к зверям, а ястреб и ворона вообще находятся вне какого-либо класса животных, точно так же, как и летучая мышь, у африканского народа фипа и т.д. (Шнирельман 1988: 88; Willis 1974: 47–48; Tambiah 1969: 444).

² О чистоте, легкости и божественной природе птиц см., напр.: Винокурова 1998: 50–52.

³ "Katsuhakatei taivhalisit linduit: hö ei semekkoi, ei niitkoi, ni ei kerakkoi pöld-aitha; i tat teiden taivhaline sötab heit. Eig lujas tö parembad heit?" – "Посмотрите на птиц небесных: они не сеют, не косят, не собирают в хлебные амбары; и отец их небесный кормит их. Вы не намного ли лучше их?" (Lonnrot 2002: 28; ср.: шелтозерский вариант – Ahlqvist 1861: 54; ср.: Мф. 6: 26).

⁴ Сообщено В.В. Rogozinoy, 1965 г. рожд., уроженкой с. Нойдала Тихвинского р-на Ленинградской обл., проживающей в Петрозаводске.

⁵ Сообщено А.Н. Зарудней, 1928 г. рожд., уроженкой с. Шимозеро Вытегорского р-на Вологодской обл., проживающей в Петрозаводске.

⁶ В силу ограниченных рамок статьи этот и некоторые другие тексты даны только в русском переводе.

⁷ По мнению этимологов, вепс. *päskheine*, *päskhut*, *pästkö* (ласточка) произошло от звукоподражания крику ласточки (SKES 1962: 692). Вепс. *kuŕg'*, *kuŕg* (журавль) от *kukurta* (курлыкать) (АКНЦ 1: 284); *kroikoi* (белоз. *kraiki*, южн. *kroikō*,– сев. *krona*) – *вóрон от krōkta* (каркать); *hüŋg'*, *hüŋg'jäuŋe* (сова, филин) от *hüŋkta* (*uŋkta*, *hüŋguda*) – *ухать* (Зайцева, Мулонен 1972: 134, 137).

⁸ Все даты даются по старому и новому стилю.

Источники и литература

АКНЦ 1 – Архив Карельского научного центра. Сравнительное исследование лексики карельского, вепского и саамского языков. Ф. 1. Оп. 50. № 598.

АКНЦ 2 – Архив Карельского научного центра РАН: Макарьев С.А. Вепский фольклор. Ф. 26. Оп. 1. № 15.

АРГО 1 – Архив Русского географического общества: *Светляк (Фомин) А.В.* Песни, обряды, обычаи, причитания, загадки, частушки в Лодейнопольском округе с общим описанием Шимозерского края и быта жителей. Р. 119. Оп. 1. № 344.

АРГО 2 – Архив Русского географического общества: *Юнсовский М.* Этнографические сведения о жителях Лодейнопольского уезда. Р. 25. Оп. 1. № 19.

Байбурин 1983 – *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Бернштам 2001 – *Бернштам Т.А.* Русские легенды о сотворении мира в аспекте народного богословия // *Христианство в регионах мира*/Отв. ред. Т.А. Бернштам. СПб. 2001. С. 250–299.

Богословский 1865 – *Богословский Н.* Материалы по истории, статистике и этнографии Новгородской губ., собранные из описаний приходов и волостей // *Новгородский сб.* Вып. 1. Новгород, 1865.

Винокурова 1988 – *Винокурова И.Ю.* Ритуал первого выгона скота на пастбища у вепсов // *Обряды и верования народов Карелии*/Ред. А.П. Конкка, Э.С. Киуру. Петрозаводск, 1988. С. 4–26.

Винокурова 1994 – *Винокурова И.Ю.* Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1994.

Винокурова 1998 – *Винокурова И.Ю.* Пернатое царство в мифологических представлениях вепсов // *Фольклористика Карелии*/Ред. Э.С. Киуру. Петрозаводск, 1998. С. 49–58.

Гура 1997 – *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Завьялова 2000 – *Завьялова М.В.* Модель мира в литовских и русских заговорах "от змей" (составительский анализ) // *Балто-славянские исследования.* 1998–1999. Вып. XIV/Отв. ред. В.В. Иванов. М., 2000. С. 197–238.

Зайцева, Муллонен 1969 – *Зайцева М.И., Муллонен М.И.* Образцы вепсской речи. Л., 1969.

Зайцева, Муллонен 1972 – *Зайцева М.И., Муллонен М.И.* Словарь вепсского языка. Л., 1972.

Зайцева, Муллонен 1995 – *Зайцева Н.Г., Муллонен М.И.* Вепско-русский, русско-вепсский учебный словарь. Петрозаводск, 1995.

Иванов 1997 – *Иванов В.В.* Змей // *Мифы народов мира* / Под ред. С.А. Токарева. Т. 1. М., 1997. С. 468–471.

Ивантер 1975 – *Ивантер Э.В.* Земноводные и пресмыкающиеся. Петрозаводск, 1975.

Иорданский 1991 – *Иорданский В.Б.* Звери, люди, боги: Очерки африканской мифологии. М., 1991.

Косменко 1984 – *Косменко А.П.* Народное изобразительное искусство вепсов. Л., 1984.

Костюхин 1994 – *Костюхин Е.М.* Типы и формы животного эпоса. М., 1987.

Муллонен 1994 – *Муллонен И.И.* Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.

Петрухин 1986 – *Петрухин В.Я.* Человек и животное в мифе и ритуале: мир природы в символах мира культуры // *Мифы, культы, обряды народов Зарубежной Азии* / Отв. ред. Н.Л. Жуковская. М., 1986. С. 5–25.

Петухов 1995 – *Петухов В.П.* Вепсы // *Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов* / Сост. М. Йокиппи. Ювяскюля, 1995. С. 433–454.

ПМА – Полевые материалы автора. Комплексная экспедиция "По следам древних вепсов" в села Прокушево, Чайино, Сидорово и др. Бокситогорского р-на Ленинградской обл., август 2002 (информанты: А.А. Завьялова, 1927 г. рожд., А.К. Зайкова, 1928 г. рожд., Е.С. Медведев, 1928 г. рожд., Медведев Ф.Е., 1937 г. рожд. и т.д.). Магнитофонная кассета № 10.

СНМ 1907 – Список населенных мест Олонецкой губ. по сведениям за 1905 г. / Сост. И.И. Благовещенский. Петрозаводск, 1907.

СРНГ 1970 – Словарь русских народных говоров / Сост. А.Ф. Марецкая, И.А. Попов, О.Г. Порохова и др. В 36-ти вып. Вып. 6. М., 1970.

Топоров В.Н. Древнемировое // *Мифы народов мира.* Т. 1. М., 1997. С. 398–406.

Топоров В.Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // *Очерки истории естественно-научных знаний в древности.* М., 1982. С. 8–40.

Фирсов Н.Н. Материалы для статистики грамотности в Белозерском уезде // *Новгородский сборник.* Вып. 1. Новгород, 1865.

Фон. ИЯЛИ – Фонограммархив Института языка, литературы и истории (г. Петрозаводск); информанты: д. Рахковичи Тихвинского р-на Ленинградской обл. – № 3413/20 – Т.С. Rogozina (1909 г. рожд.); с. Пяозеро Бабаевского р-на Вологодской обл. – № 3420/7 – М.С. Тришкина

(1927 г. рожд.), № 3672/13 – М.Г. Тришкин (1941 г. рожд.); с. Пяжелка Бабаевского р-на Вологодской обл. – № 3417/36 – В.Я. Александров (1934 г. рожд.), № 3659/14 – А.Г. Поликарпова (1936 г. рожд.); с. Пондала Бабаевского р-на Вологодской обл. – № 3668/71 – А.Ф. Манинова (1927 г. рожд.), д. Войлахта Бабаевского р-на Вологодской обл. – № 3670/36 – П.И. Смирнова (1915 г. рожд.)

Хакулинен 1955 – *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. В 2-х ч. Ч. 2. М., 1955.

Черепанова 1983 – *Черепанова О.А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

Чичеров 1957 – *Чичеров В.И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX веков // Тр. Ин-та этнографии. Вып. XI. М., 1957.

Шнирельман 1988 – *Шнирельман В.А.* Этнозоология // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы/Отв. ред. М.В. Крюков и др. М., 1988. С. 88–89.

ЭСРЯ 1972 – Этимологический словарь русского языка/Под ред. Н.М. Шанского. В 2-х т. Т. 1. Вып. 4. М., 1972.

Ahlqvist 1861 – *Ahlqvist A.* Anteckningar i Nord-tschudiskan // Acta societatis scient. Fennicae. Helsinki, 1861. № 6. S. 7–78.

Brodski 2000 – *Brodski I.* Icemoi londuz. Petroskoi, 2000.

Kettunen 1925 – *Kettunen L.* Naytteita etelavepsasta. II. Helsinki, 1925.

Kettunen, Siro 1935 – *Kettunen L., Siro P.* Naytteita vepsan murteista. Helsinki, 1935.

Lonin 2000 – *Lonin R.* Minun rahvhan fol'klor. Petroskoi. 2000. 109 s.

Lönnrot 2002 – *Lönnrot E.* Om det Nord-tschudiska spraket. Elias Lönnrotin vaitoukskirja vepsan kielestä vuodelta 1853. Juminkeko, 2002.

Rantasalo 1947 – *Rantasalo A.V.* Die Hinausführung des Viehes auf die Weide. II. Helsinki, FFC 135. 1947.

Rantasalo 1953 – *Rantasalo A.V.* Das Zurückführen im Herbst in den Viehstall. Helsinki. 1953.

Setälä, Kala 1951 – *Setälä E.N., Kala J.H.* Naytteita Aanis- ja Keskivepsan murteista. Helsinki, 1951.

SKES 1955–1981 – Suomen kielen etymologinen sanakirja (toim. J.H. Toivonen, E. Itkonen, A.J. Jokki). O. 1–7. Helsinki, 1955–1981. O. 2. 1958. O. 3. 1962. O. 6. 1978.

SKS – Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Perttola J., № 627, 1429, 2091, 2194, 2597, 2939, 2960, 3026, 3269; Kuori 2/6.

Tambiah 1969 – *Tambiah S.J.* Animals are good to think and good to prohibit // Ethnology. 1969. № 8. P. 424–449.

Willis 1974 – *Willis R.* Man and Beast. L., 1974.

I.Y. Vinokurova. The Veps Folk Classification of the Animal World: A Study in Reconstruction

The article is a study in the reconstruction of the system of folk zoological classification among the Veps. By tracing the development of terminologies, the author demonstrates that certain "classes" of animals were distinctly identified among the Veps and formed closed groups having specific names, such as lindud ("birds"), zverid ("beast", "wild animals"), or kalad ("fish"). This type of division rested on two criteria: the habitat and the set of morphological traits setting one particular class of animals apart from the rest. Other types of division were defined according to more complex criteria. For instance, a class, such as kodizivatad ("pets", "domestic animals"), could be defined along the criteria of habitat and human care. It can be argued, the author notes, that the Veps classification system rested on both mythological (pagan) and Christian foundations, and it reflected the folk knowledge of nature, although the differences between the folk and the scientific classification systems appear quite significant on the whole.